

А. П. Чехов в дореволюционной периодике Дона: критико-библиографический обзор / Л.П. Громов; Ростовская гос. науч. б-ка им. К. Маркса. - Ростов-на-Дону, 1948. – С. 20-36

III. Празднование Чеховских дней в Таганроге в 1910 году

50-летие со дня рождения А. П. Чехова было широко отмечено местными газетами. Юбилейный материал в газетах помещался в течение нескольких дней (см. библиографию). Этот материал содержит в себе сообщения о проведении юбилея в Таганроге, публикации писем и других автографов Чехова и его современников, воспоминания таганрожцев о писателе-земляке, стихотворения, посвященные памяти писателя, публицистические и литературно-критические статьи.

Как отметили чеховский юбилей на родине писателя - в Таганроге?

План празднования дня юбилея-17 января 1910 г. - был довольно обширным: панихида в соборе, торжественное заседание городской думы, юбилейный спектакль в городском театре, утренники и вечера в учебных заведениях и в различных общественных организациях.

Торжественное заседание городской думы, которое стояло в центре юбилейной программы, едва не сорвалось, так как запоздало разрешение войскового наказного атамана. А чествование памяти А. П. Чехова в мужской гимназии, в которой учился великий русский писатель, не было отмечено в день 17 января, а состоялось только 24 января-«вследствие позднего получения разрешения на устройство чествования от г. министра народного просвещения».

Невольно вспоминаются слова Чехова о царской России: «Россия-страна казенная». Много казенщины было и в самом содержании празднества, хотя в газетах и отмечалось, что «нынешнее чествование не формальное признание писательских заслуг, а искреннее любовное воспоминание о хорошем, честном, даровитом человеке, установившем связь между собой и нами при посредстве своего литературного таланта».

Начались чеховские празднества в Таганроге 17 января с «торжественной» панихиды в городском соборе. В газетных заметках об этой панихиде писалось: «Перед началом панихиды протоиерей о. Знаменский произнес краткое слово, отметив в нем значение таганрогского собора в жизни Антона Павловича. В метрических книгах собора на 1860 г. записано рождение и крещение младенца Антония. В детстве будущий писатель любил бывать в соборе и даже был соборным певчим.

Он (Знаменский. - Л. Г.) указал на то, что писатель в своих творениях учил, согласно заветам Христа, правде жизни и любви к ближнему».

Протоиерей в своей елейной речи фальсифицировал факты из биографии Чехова и искажал творческий облик писателя.

Известно, что Чехов был атеистом, а свое выступление в детстве в качестве церковного певчего считал «каторжным». Вспомним его слова из письма к Щеглову: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание - с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным, религии у меня теперь нет. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками».

Панихида - эта своеобразная увертюра к празднованию чеховского юбилея - была использована в целях направления юбилея по определенному идейно-эмоциональному руслу.

Торжественное заседание городской думы открылось речью городского головы А. З. Хандрина. Речь эта была заполнена казенно-юбилейными штампами. Отмечая теплую привязанность Чехова к Таганрогу и заботу его о культурном росте родного города, Хандрин почему-то назвал эту привязанность Чехова «особенно грустной любовью».

Это место речи городского головы заставляет вспомнить одно интересное свидетельство о взаимоотношениях Чехова с официальным Таганрогом, приведенное в статье А. Б. Тараховского «Таганрожцы и А. П. Чехов» («Приазовский край» от 2 июля 1914 г.):

«Из представителей городского управления Антон Павлович был близок только с П. Ф. Иордановым, тогда членом Управы. Остальные члены Управы и голова, и гласные, были к А. П. совершенно равнодушны, его почти не замечали. Бывало, приедешь в Управу и скажешь:

— Чехов приехал.

— Слыхали, - отвечают чуть ли не пренебрежительно, - уже Павел Федорович с ним возится, даже в Управу не ходит.

Однажды А. П. даже сказал:

— Теперь я к вам приеду, когда меня назначат таганрогским окружным начальником. Тогда меня здесь встретят с большею торжественностью.

И тут же добродушно засмеялся:

— Нет, я шучу, приеду в будущем году».

Действительно, «грустную любовь» питали «отцы города» к своему великому земляку.

После вступительной речи городского головы выступил Е. Ф. Лонткевич, инспектор и преподаватель словесности таганрогской гимназии. Он, - читаем в газетной заметке, - «с большим чувством произнес свою речь, которая была попыткой охарактеризовать творчество А. П. Чехова».

Как же справился с этой попыткой Е. Ф. Лонткевич?

В своей речи он дал трафаретно-традиционную интерпретацию творчества писателя, характерную для буржуазной юбилейно-критической литературы о Чехове, и, в частности, повторял основные положения статьи Скабичевского о Чехове (в «Истории новейшей русской литературы», 1903 г.). Присоединяясь к распространенной в то время ошибочной трактовке Чехова как пессимиста, Лонткевич видел в нем «продукт глубокого пессимизма, охватившего общество в 80-х годах». Развивая эту мысль, Лонткевич проводит неудачную аналогию между Чеховым и Байроном, тем самым отрывая Чехова от конкретных условий русской общественной жизни, обусловивших особенности творчества писателя.

Вообще, весьма характерной для речи Лонткевича является сугубо отвлеченная постановка вопроса о творческом облике Чехова. Лонткевич старательно обходит все острые социально-политические моменты, связанные с творческой деятельностью писателя.

После Лонткевича выступил с большой речью о Чехове секретарь городской думы А. Е. Антонов.

Антонов много говорил о «трогательной» личности Чехова, о его «мягкой душе», которая раскрывалась «навстречу всем страдающим и угнетенным». В противоположность предыдущему оратору, Антонов не считает Чехова пессимистом. Он утверждал, что творчество Чехова было глубоко радостным, но это была особенная радость: Чехов был «робко-радостным».

По мнению Антонова, Чехов, будучи «только свободным художником», изливал эту радость в чудных творениях, в которых звучали гимны природе, всему прекрасному и яркому. Чехов видел красоту во всем: в детях, птицах, цветах, лазури неба, в чистых девушках, но не видел ее в людях и скорбел, тосковал...

Антонов пытался создать общую концепцию творчества Чехова; по его словам, у Чехова было два мира: 1) мир стихийный, мир природы - белый вишневый сад, обрызганный росой, широкая, поющая степь, ночи, маленькие дети, нежные, чистые девушки; этот мир Чехов любил тихо и нежно, - отсюда поэзия тихих, тонких задушевных настроений, красота,

которую Чехов хотел наполнить русскую жизнь; 2) другой мир - мир людской пошлости, - отсюда глубокий трагизм в творчестве Чехова: жизнь хороша, но люди не хотят быть хорошими.

Как далек был Антонов от подлинного понимания Чехова, писателя-демократа, оптимиста, создавая «теорию» о «робко-радостном» Чехове, «только свободном художнике»! Социальное подменяется у Антонова моральным, чеховские темы природы, красоты, пошлости у Антонова получают декадентское освещение. Этот «анализ» творчества Чехова походит на субъективно-импрессионистские измышления идеалиста и мистика Айхенвальда.

Любопытно отметить, что Антонов тему красоты в творчестве Чехова связывает с Таганрогом: «Тут тоже чувствуется это стремление к красоте». А любовь писателя к природе он объясняет тем, что Чехов в Таганроге жил на улице, обильной растениями...

Эти суждения Антонова воспринимаются как курьезный анекдот.

... Кроме торжественного заседания городской думы, 17 января состоялось еще литературное утро в городском театре. Началось оно хоровым исполнением кантаты «Слава А. П. Чехову» под управлением автора - таганрогского музыканта В. Г. Молла. После «Славы» было прочтено стихотворение таганрожца К. Житомирского «Памяти А. П. Чехова», в котором имеются такие строчки:

Он в сумерки русские, темные
Был родине светоч и стяг;
Он отдал ей силы огромные...
Он был нам бессмертный земляк.

Это стихотворение типично для казенно-юбилейного стиля празднования, - в нем ни поэзии, ни содержания, ни искренности, - пустая трескучая риторика, «украшенная» для торжественности слога большим количеством славянизмов.

После оглашения стихотворения Житомирского выступил Ф. Ф. Борисенко с лекцией на тему: «Жизнь и сочинения А. П. Чехова». Это было, пожалуй, самое толковое сообщение о Чехове на юбилейных торжествах в Таганроге, к тому же беспретенциозное, простое. Правильным является исходное положение Борисенко: «Чтобы понять характер творчества Чехова, нужно вспомнить то время, в какое жил писатель».

Хорошо сказал Борисенко о выступлении Чехова-писателя в 80-х годах прошлого столетия: «В мрачную жизнь этого времени ворвался вдруг ослепительный луч творчества, и пред читателем до ужаса подробно осветились все де тали его будничной, повседневной жизни. Чехов проник во все области нашей жизни». Лектор подробно остановился на изображении жизни различных слоев русского общества в произведениях Чехова.

После Борисенко выступил доктор Шамкович, товарищ Чехова по гимназии, с воспоминаниями о Чехове-гимназисте.

Художественная часть утра состояла из чтения артистами городского театра произведения Чехова: «Горе», «Унтер Пришибеев», «В овраге» и др.

Вечером 17 января в городском театре состоялся юбилейный спектакль - «Вишневый сад» - со вступительным словом А. Е. Антонова «Театр и Чехов» и заключительным апофеозом в честь А. П. Чехова.

Чеховские «торжества» продолжались почти всю неделю. Лекции, литературно-художественные утренники и вечера проводились в приказчиьем обществе «Самопомощь», артистическом обществе, в учебных заведениях.

В учебных заведениях с лекциями о Чехове выступали преподаватели литературы. В техническом училище преподаватель Н. А. Лагутинский на юбилее прочел лекцию о Чехове, в которой сделал интересную попытку осветить вопрос о чеховском герое: «У Чехова нет героев. Живут и действуют такие же маленькие люди, бледные, тоскующие, как и мы, люди труда или праздности, но не люди подвигов и великих дел».

Лагутинский не разрешил полностью поднятой им проблемы о чеховском герое; он остано вился только на галлерее отрицательных персонажей, «лишних людей» в произведениях Чехова и не разглядел среди чеховских персонажей положительных героев с их своеоб-

разным обликом. Лагутинский не смог подняться выше уровня дореволюционных литературоведческих представлений о Чехове.

Надо отдать должное Н. А. Лагутинскому: он был, пожалуй, единственным учителем литературы в Таганроге, который отнесся к празднованию юбилея Чехова не казенно. Лагутинский организовал в Техническом училище «Чеховские чтения», которые проходили в течение нескольких дней и на которых он читал лекции на отдельные, конкретные темы, а учащиеся выступали с чтением произведений Чехова.

В Коммерческом училище лекцию о Чехове прочел преподаватель А. Н. Лицын.

В этой лекции начал Лицын «за здравие», рисуя заслуги Чехова перед литературой, а кончил «за упокой», утверждая незначительность Чехова сравнительно с корифеями художественной литературы. «В своих драмах и рассказах Чехов не дал нам великих мировых типов, не изобразил титанических героев в борьбе с великими мировыми принципами, не указал миру великих недостижимых идеалов, не дал нам глубокой концепции мировой жизни, не заглянул в бездну человеческой души, человеческих страданий и сердец».

Затем Лицын с усердием, достойным лучшего применения, пытался доказать, что Чехов - не Шекспир, не Гёте, не Байрон, не Сервантес, не Данте, не Кальдерон и т. д. Для Лицына Чехов - не больше как писатель «с талантом удивительного копииста».

В этой речи учителя литературы слышится отзвук идей А. Веселовского, выраженных в книге «Западное влияние в новой русской литературе», где автор, раболепствуя перед западно-европейским искусством и всячески умаляя самобытность русской литературы, стремился показать развитие русской литературы и творческий рост русских писателей, как «великие результаты западного влияния», и умудрился увидеть даже в наиболее оригинальных произведениях русской литературы—зависимость от западных образцов.

Последователь пресловутого сравнительного метода, Лицын обнаружил полное непонимание оригинальности и сущности творческого облика Чехова и значения великого русского писателя в истории мировой литературы.

Обращает на себя внимание также претенциозный характер лекции А. Н. Лицына с явным стремлением этого преподавателя блеснуть историко-литературной эрудицией и красотой стиля.

«Гвоздем» художественной части литературно- юбилейного утра в Коммерческом училище было хоровое исполнение «патриотической» кантаты, написанной преподавателем пения И. И. Рогачевым:

Солнце золотое, по небу гуляя,
Все края, все страны светом озаряло.
И на землю луч свой радостно бросая,
Всюду, где светило, радость поселяло.
Но из всех стран мира
Солнцу приглянулся
Наш уютный город,
Таганрог счастливый.

И светлей, чем раньше,
Солнце улыбнулось
Ласковой улыбкой,
Радостной и ясной.

И у нас родился,
Вырос и учился
Наш писатель славный
Антон Павлыч Чехов.

Вирши этой «кантаты» являются характерным образцом суррогатов словесного искусства, которыми пичкали учащихся в чеховские дни для «патриотического» и «эстетического» воспитания.

Заключительным моментом чеховских «торжеств» в Таганроге было чествование памяти писателя в мужской гимназии (24 января). На

нем следует остановиться особо, так как представляет большой интерес вопрос о том, как чествовала пятидесятилетие со дня рождения Чехова гимназия, в которой обучался великий русский писатель.

Сначала была отслужена в гимназической церкви панихида по писателе; законоучитель гимназии Баландин произнес речь. В этой речи Чехов тенденциозно освещен как проповедник христианской морали.

После панихиды, чествование памяти Чехова продолжалось в актовом зале.

Гимназический хор дважды, по желанию собравшихся, спел «Славу А. П. Чехову», сочиненную Молла. Потом преподаватель словесности М. Прядкин исполнил собственное стихотворение, посвященное памяти Чехова.

Биографический очерк о Чехове, прочитанный учеником 8 класса Копыловым, по свидетельству корреспондента «Приазовской речи», «вышел довольно кратким и сухим, состоящим почти из перечисления его рассказов и пьес».

Преподаватель словесности М. Павлинов выступил с небольшой лекцией о художественной стороне произведений Чехова. В лекции была отмечена «плодовитость и технические совершенства чеховского творчества».

Учениками Нехлюдовым и Дубровским были прочитаны отрывки из рассказов Чехова «Степь» и «Унтер Пришибеев».

Выступивший затем инспектор гимназии Е. Ф. Лонткевич сказал: «Гимназия должна радоваться, что в ее стенах учился такой писатель, как Чехов. Неправду говорят, что гимназия ничего не дала Чехову. Из гимназии он вынес любовь к труду, прилежание, благодаря чему он даже во время болезни всегда трудился».

Лонткевич в своей речи говорил об общественном значении творчества Чехова. Любопытно то место его речи, где он пытался раскрыть основной источник «тоски» Чехова. По его мнению, эта тоска «свойственна всему русскому племени, она не специфическая тоска Чехова, а всех русских выдающихся людей. Однако, подметив своеобразный характер «тоски» Чехова, Лонткевич не сумел (или сознательно избегал) правильно объяснить эту «тоску» как результат конфликта лучших стремлений Чехова с социально-политическими условиями жизни в царской России и толковал ее биологически.

Речь Лонткевича, использовавшего чеховский юбилей в соответствующих духу старой Школы назидательных целях, имела, пользуясь словами Добролюбова, «дидактический хвостик»: инспектор гимназии призывал своих воспитанников «следовать заветам писателя — любить, молиться, верить и трудиться».

Не удержался от морализирования и директор гимназии М. П. Знаменский, который выступил, как отмечают газеты, «сверх программы» и «неожиданно». Обращаясь к «дорогим детям и юношам», он приглашал их следовать примеру Чехова — «любить то, что любил писатель, а он любил все, что следовало любить».

Это выступление, свидетельствующее о полной неосведомленности в области чеховского творчества директора гимназии, отделившегося общими рассуждениями о писателе-юбиляре, звучит как юбилейный анекдот.

Программа, содержание и стиль чествования памяти А. П. Чехова в мужской гимназии носили казенный характер; на Чехова навели «хрестоматийный глянец», юбилей Чехова использовали для воспитания гимназистов в религиозном и монархическом духе.

... Таганрогская печать пыталась доказать особенный, интимный характер празднования 50-летия со дня рождения А. П. Чехова на родине писателя. Н. Чужбинин писал: «Ни в одном городе, не исключая и Москвы, чествование памяти Чехова не было, вероятно, таким душевным, как в Таганроге»

А. Тараховский вспоминал в 1914 г.: «Таганрог был неузнаваем, когда праздновали здесь 50-летие со дня рождения писателя. Театры были переполнены, точно так же и здание думы во время торжественного заседания. Читались всюду лекции и тысячная толпа жадно их слушала».

Тот же А. Тараховский в 1910 г., подводя итоги юбилейным дням, писал: «Словом, все было так красиво, умилительно, торжественно, так веяло нежной грустью, так чаровало слушателей и вызывало в памяти прекрасный образ незабвенного певца нашей тоски» .

Однако далеко не все было таким «умилительным», как это старается представить Тараховский, и об этом свидетельствуют отдельные факты, зафиксированные в местных газетах.

Так, Общество образования обратилось к Совету старшин коммерческого клуба с просьбой предоставить помещение клуба бесплатно для проведения юбилейного вечера; Совет старшин ответил, что Общество образования может воспользоваться помещением клуба только за установленную обычную плату. Когда об этом факте узнали в «Чеховском кружке», один из членов этого кружка предложил ответ Совету старшин передать в Чеховский музей, как исторический документ, свидетельствующий об отношении группы граждан Таганрога к А. П. Чехову. Этот юбилейный эпизод, весьма характерный для таганрогских коммерсантов, удачно передан в фельетоне «Заметки»²:

«Наивные люди эти таганрогские интеллигенты, которые все стараются умственную жизнь насадить в нашем торговом и торгующем городе. Вдруг они, ни с того, ни с сего, обратились в коммерческий клуб с совершенно неуместным предложением:

— Дайте нам помещение на 17 января для чествования памяти Чехова.

— С удовольствием! Отчего же нет? - сказал старшина клуба г. Платонов, благополучный землевладелец, гласный думы и председатель ревизионной комиссии.

— С удовольствием! Мы от денег никогда не отказываемся. Пятьдесят рублей будет стоить!

— Как пятьдесят? Да, ведь, для чествования Чехова! Понимаете? Ч-е-х-о-в-а!

— А что за персона ваш Чехов? Что он? Предводитель дворянства? Окружной начальник? Городской голова? Или податной инспектор?

— Да нет! Помилуйте! Чехов! Великий писатель! Уроженец Таганрога! Он прославил наш город! - со слезами на глазах отвечали наивные интеллигенты.

Писатель? Как Чумаченко? Или, того хуже, как Тараховский? Экое важное кушанье-писатель! Наверное, писал рецензии про театр или статьи про скотобойню? За что же его чествовать?

— Да нет! Он художник, мастер слова, поэт! Написал «Чайку», «Вишневый сад».

— Ах этот! Был в театре, видел, ведь я член театральной комиссии. Ну и скучища! Зевал, зевал, пока не заснул... За пятьдесят рублей уступим. Дешевле никак невозможно. Деньги нужны».

В приложении к № 49 газеты «Приазовская речь» за 1910 г. под заголовком «Как чествовали память А. П. Чехова 17 января 1910 г. некоторые таганрогские учреждения» помещены три рисунка-карикатуры с поясняющими их текстами. Первый рисунок изображает большое количество играющих в лотто, под рисунком — текст: «Общественное собрание. Зал собрания не мог вместить всех собравшихся попытать счастья в лотто... Что они Чехову и что Чехов им?». Второй рисунок показывает театральные подмостки, где на фоне украинской декорации лихо танцуют «хохлы». Текст к рисунку: «Театр Иловайского. Малолетние преступники искусства: «Ой, гоп-гопака, полюбила казака, та старого, та рудого, моя доля така». Третий рисунок: мужчина-«туз», произносящий речь. «Коммерческий клуб. Сдать на 17-е помещение клуба даром мы не можем. У нашего клуба ничего общего с Чеховым нет. Будь он военный генерал или хоть действительный статский советник, за красненькую с нашим удовольствием, а то писатель! Ведь писал он для своего пропитания, мы-то тут причем?».

Стоит еще остановиться на юбилейных стихотворениях Пухляковой, Изюмского и Кудриной, помещенных на страницах «Таганрогского вестника». Эти стихотворения поражают убожеством своего содержания и стихотворной формы. Это банальное, юбилейно-слащавое славословие, переложенное в плохие стихи, или трескучая стихотворная риторика без всякого смысла. Для иллюстрации приведем несколько выдержек из этих юбилейных стихотворений:

Не вынесло тело, сторело, как факел,
И ты, умирая, по родине плакал.
И плакало небо за темною тучей
И звезды, увидев ту смерть пред собою,
Бледнея, погасли одна за другою...
И только лишь «пошлость» была равнодушна...

(Пухлякова).

Его уж нет... Но на Руси, глубоко,
Среди кромешной тьмы, без чести, без светил,
Мы молвим, головой качая одиноко:
- Да, да... то Чехов был.

(Кудрина)

* * *

В юбилейные дни 1910 г. в Таганроге ярко проявились празднословие и лицемерие, которые заклеил В. И. Ленин, говоря о характере литературных юбилеев в царской России.

Но борьба за верное понимание Чехова, как художника-реалиста, продолжалась, и об этом свидетельствуют прогрессивные для того времени высказывания Борисенко, Лагутинского и др.